

The book cover features a vibrant, abstract illustration. Two dark, textured tree trunks with yellow and black horizontal stripes frame the central text. The background is a bright blue sky with a white, cloud-like shape behind the title. In the lower right, there are stylized green trees and a red-orange ground area. The overall style is artistic and colorful.

Ксения Александрова

10 ИСТОРИЙ

из карманов Эда

Иллюстратор
Бузова Екатерина

Ксения Александрова
10 историй из карманов Эда

«Издательские решения»

Александрова К.

10 историй из карманов Эда / К. Александрова — «Издательские решения»,

Открыв эту книгу, ты, мой юный читатель, познакомишься с Эдуардом. Обычно все называют его просто Эд. Если рассказывать тебе подробнее о нём, то, я думаю, непременно нужно отметить, что он из тех, кто разглядит мир в скорлупе грецкого ореха и в невообразимой причёске своей мамы. Он живёт вроде бы по соседству со всеми нами, но до него не доходят письма и телеграммы. Может, он попросту их не читает, потому что птицы успевают унести их раньше. Успеть за птицами сложнее.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

10 историй из карманов Эда Ксения Александрова

© Ксения Александрова, 2016

© Екатерина Бузова, дизайн обложки, 2016

© Екатерина Бузова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Где моя расческа? Куда она снова запропастилась? Эдуард! Опять она у тебя?

– Я её не брал, вероятно, она от тебя убежала?

«Вздор, – говорила тогда мама, – вещи не умеют бегать».

А за её спиной, похожая на худую сороконожку, медленно шла расческа, и вид у нее был ужасно гордый!

Глава 1

Это было утро в маленькой квартирке на третьем этаже, где всегда на стенах было много надписей и по выходным пахло хлоркой, а по будням супом, иногда он был подгоревшим. Окно было разбито, и о нем напоминал только угрюмый, некогда белый, подоконник, на который Эдуард насыпал по утрам немного хлебных крошек для синиц.

Он точно знал, что птицы умеют благодарить, потому что взамен они приносили ему одуванчиковые зонтики или крошечные цветочные лепестки. Конечно, мама с папой в это не верили. Мама много работала и Эдуард никак не мог понять, как она может проснувшись со словами: «Бог мой! Опять провести целый день в этом ужасном месте», тут же взять свою большую сумку, накинуть плащ и отправиться в это самое ужасное место. Впрочем, взрослые ужасно странные, в этом нет никакого сомнения. Стоит добавить, что у Эда был самый обычный, некогда дворовый, пёс, выгуливая которого, Эдуард всё чаще размышлял о том, что любая многоэтажка-это прежде всего картина, размноженная на несколько частей и разбросанная обрывками по этажам. Это огромный поток света, разделенный на десятки электрических ламп и светильников. И ночью начинается самое интересное, когда все уснут, Эд залезает на чердак, ловко поддевает старое круглое окошко и просовывает в него трубу от дедушкиного телескопа, стараясь заглянуть в единственный мутный и грустный глаз неба-луну. Дедушка говорил, что небо не всегда было одноглазым, просто однажды, ему захотелось охватить глазами весь мир, каждый перекресток и дом. Желание оказалось столь сильным, что ему пришлось пожертвовать одним глазом ради того, чтобы быть всюду. Вот и теперь, где бы мы ни были, хлопают металлическими ресницами хитрые звёзды и высматривают гуляющих. К слову, они же зажигают фонари над влюбленными и тушат керосиновые лампы над уснувшими стариками, чтобы свет не щекотал их и без того усталые веки. Эдуард мог просидеть на чердаке несколько часов, чтобы поймать за ворот пару падающих звезд, похожих на крошечные слезинки, только холоднее и еще меньше. Но как только звезда опускалась на ладошку мальчика, входил сонный папа, поправлял, насупившись, очки, и монотонно произносил: «Сударь, вы знаете, который час? Вам уже давно пора быть в постели. Нехорошо-с, нехорошо-с.»

С этими словами он удалялся и больше не показывался до утра из кабинета, а Эдуард спускался вниз, шел к себе в комнату и опустившись в кровать, натягивал одеяло до самого подбородка. И небо закрывало оба глаза, разрешая начаться ночи.

Глава 2

Когда Эдуард просыпается, к нему сразу бежит мама. И едва он открывает рот, чтобы рассказать ей о прекрасном сне, та тут же перебивает его словами: «Надо сию же минуту надеть колготки, если ты не хочешь простудиться, и чтобы без сандалий не выходил из комнаты!» Затем, на её лице мелькает тень едва уловимой улыбки, мама чмокает сына в щеку и очень быстро уходит. Остается только запах. Гортензий, манной каши, крема для рук и пирожков. А всё-таки ей бы следовало выслушать историю об этом сне, она ведь и вправду удивительная. Дело началось с того, что в сон вдруг попал жираф. Обычно, во сне можно просто открыть форточку и вылететь прочь, а здесь всё было совершенно по-другому. Едва Эдуард повернул защелку, как увидел, что одно из облаков того гляди упадет. Мальчик быстро выглянул во двор и увидел стоящего между облаков громадного жирафа, что-то повторяющего про себя. Если прислушаться, то это было похоже на: «Опять! Как же так могло получиться! Я же просил постирать мои пятнышки, а они взяли их и погладили, теперь те превратились в полоски! Это очень грустно, я чувствую себя самым несчастным жирафом на свете.»

Эдуард высунулся что есть силы из окна и прокричал: «Иди скорее сюда, я постараюсь помочь тебе, переставай плакать. Мы нанижем на твою шею облака как большие бусины, а потом превратим их в маленькие пятнышки.»

«Тогда мне станет очень радостно!», – воскликнул жираф, и встав на цыпочки, потянулся к раскидистому дереву. А Эдуард даже не заметил, как, вытянул свою руку и принялся собирать облака. Дело это было не из простых. Те никак не хотели слушаться, не получив барбарисовых конфет. Но нельзя идти у них на поводу, ведь если дать слишком много сладкого, они порозовеют и тогда немедленно наступит рассвет. Это случится раньше времени, и малыши с их мамами и папами не успеют выспаться!

«Скорее! Идите ко мне! Вы так нужны!», – кричал Эдуард, размахивая руками и собирая облачка. Затем, мальчишка нанизывал их на шею жирафа, те распадались на маленькие кляксы и тут же засыхали новенькими пятнами на всем теле.

«Вот это да, работает!», – рассмеялся Эд и погладил громадное и грациозное животное, но вдруг отдернул ладонь и грустно сказал: «Тебе пора уходить, ты нужен своим родным, не мешкай!».

«Вспоминай меня!», – тихо ответил жираф и напоследок коснулся влажным носом руки мальчика.

«Конечно!», – проговорил Эдуард, глядя в окно. Ему на глаза навернулись слезы, в которых плавало отражение розоватого рассвета, а на столе лежал маленький фантик от барбарисовой карамельки.

Глава 3

Календарь, ворча и кряхтя, перевернул следующий лист, говорящий, что сегодня первая суббота мая.

Солнце ласково дотрагивалось пальцами старых балконов и гладило соседских безродных котов. Эд проснулся раньше обычного, быстро всунул ноги в потёртые сандалии, кинул в авоську пару апельсинов и выскочил из квартиры. На улицу идти не хотелось, а потому он решил проведать Элли, старушку, живущую этажом ниже.

На самом деле её настоящее имя – Элла, но её так уже давно никто не называл. О ней лишь знали то, что она любила своего попугая, запах крымского табака, пила зелёный чай с лимонником и некогда играла в уличных спектаклях. Ещё у нее была интересная привычка-разговаривать со случайным прохожим. Чаще по вечерам Элли садилась на скамейку, стоящую около подъезда и смотрела вверх. Перед её глазами мелькали крыши домов, некрасивые балконы и большие чёрные птицы. Всё это, конечно, помогало скрашивать ожидание. Стоило кому-то присесть рядом, старушка поворачивалась к нему и говорила: «Прекрасный день, неправда ли?». Так начинался долгий разговор, но в большинстве случаев этот сидящий рядом говорил, что времени у него совсем нет и, сжав в руках портфель, шёл куда-то прочь. Это было грустно, потому что в старости очень часто хочется разговаривать. Тогда Элли ещё раз оглядывалась по сторонам, наконец вставала и медленно поднималась к себе наверх.

Когда Эдуард приходил к ней в гости, они смотрели бесконечно много диафильмов и говорили о театре. А если у Элли было особенно хорошее настроение, она позволяла мальчишке покопаться в её старых костюмах, пахнувших театральными костюмерными и терпкими духами. Сегодня, едва он вошёл, она вскочила с плетёного кресла-качалки, подошла к нему и быстро сказала: «Скорее пить чай, я вспомнила историю!». На самом деле, Элли знала множество историй, она подслушивала их у кулис, у крошечной гитары и даже у маски клоуна.

Сегодня она говорила про француза мима и крошечные лилии на его шляпе, распускающиеся во время чьей-то улыбки, и итальянца-велосипедиста, колесившего по всем городским мостам в компании ручной обезьянки. Затем она замолчала, зашторила окна и крикнула: «Эдуард! Скорее неси мою старую лампу, она на одной из антресолей, нам нельзя медлить они могут убежать!».

Эду не досталось и крохотной минутки на вопросы, потому он встал со стула и направился к высоким полкам. В суете банок и потрепанных газет он вдруг заметил льняной абажур, под которым пряталась стеклянная груша.

«Да что ты медлишь! Они очень прыткие, скорее вставляй в розетку, она прямо под столом, да-да внизу», – приговаривала Элли. Мальчишка быстро залез под стул, вставил провод, перемотанный у основания изолентой, и затем перенёс зажжённую лампу на стол.

«Задвинь левую штору поплотнее, – командовала Элли, так-так, теперь садись на диван, дело в том, что когда я была ещё совсем крошечной девочкой, мама говорила мне перед сном, что заснуть всегда проще, когда считаешь барашков, я долгое время честно пыталась, но всегда выходило одно и то же: я закрывала глаза и оказывалась у лесного озера, а повсюду было множество разбегающихся зайцев, шутка ли, зайцев с длинными-предлинными ушами.»

«Что это значит?», – недоумевал Эдуард.

«Ты всё казался мне смышлённым мальчуганом, – загадочно улыбнулась старушка, – мы будем ловить зайцев, и ты мне поможешь, как только увидишь на стене зайца, сразу вставай с кресла, и хватай их в ладони! Только будь осторожен, они очень хитрые! Ну, скорее поверни лампу на стену!».

Эд быстро повернул абажур и сел. Он знал, что Элли стоит справа от стены, но не мог быть абсолютно уверен в этом, потому что в темноте всё казалось совершенно другим. Вдруг,

по обоям запрыгали три зайца, они казались намного чернее и больше, чем в самом деле, мальчик вскочил и принялся пытаться удержать их в ладонях, но один заяц оказался вовсе не тем, кем казался. Едва Эдуард коснулся его ушей, те вдруг начали расти и превратились в крылья, и через пару минут какая-то большая птица с угольным отливом крыла скользила вверх по стене.

«Мы уже поймали двух зайцев, сейчас будь осторожен, они будут пытаться улизнуть», – вопила Элли. По обоям прыгали зайцы, какие-то не успевали приблизиться к полу, их лапы тут же уменьшались, появлялся длинный хвост, и в комнате эхом прокатывалось протяжное: «мяяяя», какие-то норовили сбежать со стены на потолок, чтобы прокатиться на люстре, но едва они перепрыгивали на плафоны, то резко начинали уменьшаться и разлетались бабочками по комнате.

«Смотрите, смотрите, я вижу ещё двух зайцев, они играют в чехарду справа от вас!», – Эд приблизился к стене и резко накрыл ладонями обе небольшие тени.

– Молодец! Я чувствую, что остался последний, непусти его! «Но я никого не вижу!», – уверял Эдуард.

– Тогда начинай слышать и чувствовать, разве ты не умеешь?

Вдруг где-то внизу мелькнул небольшой силуэт, в котором угадывались только длинные уши. «Я нашёл!», – воскликнул Эд, и потянулся вниз, чтобы схватить зайца, но как-только его пальцы коснулись чего-то мягкого,

Элли резко дёрнула штору и всё сразу исчезло. Ворвавшееся в комнату солнце съело ламповый свет и не оставило ни одной крошечной тени в комнате. «Кажется, мы засиделись, малыш, – растерянно сказала Элли, мама, наверняка, тебя ищет».

«Скорее всего, – пробурчал Эдуард, – я и вправду пойду.» Дойдя до входной двери, Эд обернулся назад и бросил вопрошающий взгляд на маму

«Вы напишите мне письмо? Я бы хотел ждать его.», – и он опустил глаза в знак своего смущения.

«Конечно, напишу, – улыбнулась Элли, – оно будет очень важным, а теперь иди.» Она открыла перед Эдом дверь. Тот кивнул и отправился вниз по лестнице. Идти домой совсем не хотелось, там невыносимо скучно, а потому лучше просто походить по улицам. Эд дошёл до местного ларька, купил зачерствелый батон и отправился на ближайшую реку кормить уток. Что-то было совершенно дикое в их борьбе за хлебные ломти. Клювы казались слишком длинными, а перья слишком мокрыми.

В такую минуту Эдуард думал о том, как было бы здорово завести дома утку, она бы плавала в раковине, пока мама моет посуду и сообщала число помытых чашек и тарелок. Впрочем, маме, конечно, эта идея бы не понравилась. Мальчуган вытряхнул песок из сандалий, кинул последний кусок хлеба птицам и отправился домой. По пути ему встречались разные бродячие собаки с мокрыми носами, они не останавливались надолго, у них было слишком много дел. Через этот мост сразу началась череда многоэтажек с многочисленными окнами. Эдуард подошёл к подъезду, видевшему его еще совсем юным и дёрнул податливую ручку. Через тридцать ступенек мальчик Эд стоял на пороге своей квартиры и теребил визжащую кнопку звонка. «Неугомонный ребёнок, нельзя один раз нажать? Удивительно, что кнопка ещё держится», – вздохнула мама. Она выглядела очень смешно, на её голове было много-много бигудей, она ложилась с ними спать в особенные дни, когда ожидался какой-то праздник, таким образом по маминой голове можно было определять, каким будет «завтра». Эд вошел в прихожую и скинул сандалии. На галошнице лежал небольшой конверт.

– Мам, тут письмо в коридоре. Это мне?

«Похоже, что да, твой отец не получает почты, а мне не приходит ничего, кроме многочисленных квитанций, будь они неладны», – тут мама рассмеялась. «Хорошо, спасибо», – сказал Эд, схватил конверт и опрометью кинулся в свою комнату. Захлопнув дверь, он плюхнулся

на скрипучую кровать. Конверт пах терпким табаком. Эд улыбнулся и принялся открывать письмо.

Внутри лежала бархатная чёрная перчатка. Эд удивленно схватил её за указательный палец и немного потряс, откуда-то изнутри упала маленькая бумажка лишь с одной надписью: «Здесь все зайцы, я пересчитывала».

Глава 4

Эд очень любил ездить на дачу. Ему нравилось скидывать с загорелых ног шлепанцы, забираться вместе с Чарли на заднее сидение синего отцовского пикапа и смотреть в открытое окно на перемену мест. Всё это превращалось в диафильм, где не было главных героев, но было бесчисленное количество декораций и действующих лиц. На въезде в дачный посёлок всегда стояли седые старухи, которые на протяжении многих лет продолжали разговаривать друг с другом, заниматься огородом и даже петь протяжно и тоскливо по вечерам. Дальше по пути встречаются дети, нередко они держат в руках котов, тех самых беспородных, откормленных, с очень важными и спокойными мордами.

Эта поездка началась с грустных дней, один из которых стоит выделить особенно. В такие дни вместо солнца над городом висит лишь серая клякса, нельзя гулять, кататься на велосипеде и делать множество других приятных дел. Хотелось быстрее войти в душный дом, забраться на верхний этаж, натянуть одеяло до кончика носа и не выходить до самого вечера. Но всё случилось иначе. Как только Эдуард вошел с родителями на веранду, папа огляделся, поставил на пол тяжёлые сумки и совершенно серьёзно обратился к сыну: «Ну что же, молодой человек, раз на улице такая погода, займёмся чем-то полезным в доме. Кстати говоря, давно пора убрать на чердаке, там множество игрушек, из которых ты давным-давно вырос, мы разложим их по коробкам, а потом решим, что с ними делать.»

Эд слабо кивнул и пошёл на чердак, шаркая ногами. Едва он зашёл на крышу, то сразу почувствовал запах. В душном воздухе витали ароматы антимоли, старости, пыли, древесины и подгнившего пола, по которому с нажимом шагал Эдуард, вызывая противный надрывный визг. Крыша чердака была изрядно нагрета полуденным солнцем, слабые порывы ветра слегка приоткрывали чердачное окошко, чтобы освежить сонное пространство. Чердак умел ждать, а потому долгожданная встреча для него была целым событием, к которому он относился взволнованно и трепетно. Вешалки тянули свои руки к Эдуарду, ловя в дружеском рукопожатии его детсковатые ладони, сундуки хлопали крышками, и в беззубой улыбке обнажали старинные цветастые платья. Где-то в углу бегала мышь, суется в поисках хоть чего-то съедобного. Табуретка с отломанной ножкой приковывалась к Эду, приглашая сесть, но тот, казалось, был совершенно опечален.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.